

тельность Бессарабского статистического комитета, а также местной периодической печати. Очень интересен материал, базируясь на котором, автор доказывает, что наряду с изучением экономики и материальной культуры в конце XIX в. в молдавской этнографии возрос интерес к этнопсихологии и этнолингвистике. Иными словами — молдавская этнография развивалась в общероссийском русле.

В процессе изложения О. С. Лукьянец вводит новые имена ученых-этнографов: П. Сырку, А. Защука, А. Матвеева. Указав, что А. Матвееву принадлежат ряд статей и программа, опубликованная в 1884 г. в «Бессарабских губернских ведомостях» (см. с. 50), автор, к сожалению, не сообщает, где жил и работал этот интересный ученый. Хотелось бы напомнить, что внимание к персоналиям для исследований подобного типа немаловажно. Непонятно, почему за рамками книги остались имена редакторов, от которых во многом зависело направление и наполнение «неофициального отдела» газеты, публиковавшего этнографические статьи. Остается неизвестным, кто именно входил в состав редколлегии даже в 80-е годы, когда, как справедливо отмечает автор, «Бессарабские губернские ведомости» превратились в своего рода центр, направляющий этнографические исследования в Бессарабии (с. 59). Аналогичные замечания можно сделать и относительно персоналий Одесского общества истории и древностей и Бессарабского статистического комитета, сыгравших большую роль в этнографическом изучении Молдавии.

Много нового фактического материала содержится в разделе «Краеведческое направление в молдавской этнографии» (с. 80—84), где прослеживается рост значимости местных учреждений (земских управ) и исследователей; характеризуются их связи с работниками центральных учреждений в деле музейного собирательства. Открываются и новые страницы деятельности сотрудника Этнографического отдела Русского музея — Н. М. Могилянскогo. О. С. Лукьянец подробно описывает историю комплектования молдавского фонда музея, знакомит с коллекцией предметов традиционной культуры молдаван Румянецовского музея и освещает собирательскую деятельность местных молдавских музеев (с. 57—62). Можно лишь пожалеть, что в поле зрения автора не попали гагаузские коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии АН СССР, поступившие туда в 90-е годы прошлого века.

В целом, как уже говорилось, книга О. С. Лукьянец представляет значительный вклад в историографическую литературу, посвященную дооктябрьскому периоду. Она написана на основе обильных и разнообразных источников, дающих четкое представление о ходе и основных этапах развития этнографических исследований народов Молдавии, в которых принимали участие как русские, так и молдавские ученые. В заключение выскажем пожелание, чтобы автор, столь успешно воссоздавший общую картину развития этнографии в Молдавии, продолжил и углубил свои исследования в отдельных ее областях, осветив, например, роль молдавской периодической печати в развитии этнографической науки.

Т. В. Станюкович

НАРОДЫ АФРИКИ

А. С. Балезин. Африканские правители и вожди в Уганде. М., 1986. 280 с.

Вот уже более 20 лет, как большинство стран Африки добились политической независимости. За немногим исключением (Лесото, Свазиленд) — это республики. Ныне в африканских странах есть парламенты или национальные ассамблеи, современные суды, работающие на основе французского или английского права, существуют политические партии (одна или несколько), проводятся избирательные кампании. Однако в ряде стран в составе парламента имеется палата вождей, встречаются и «партии вождей», проводятся пышные церемонии «интронизации» представителей древних династий, в состав Центрального комитета партии Народное движение революции (Заир) входит «император Лунда», в политической жизни Буркина Фасо активно участвует *моронаба* — верховный правитель народа и т. п.

Какое же место занимают в современной жизни Африки эти люди и связанные с древними системами власти институты? Может быть, это просто пышные декорации, ныне не имеющие никакого практического значения? Или, напротив, затаившиеся до времени, затаившие в период колониального подчинения, а сейчас восставшие из пепла, как птица феникс, живые и вполне жизнеспособные системы? А возможно, это какой-то иной феномен, соединивший в себе как древние политические традиции, так и новейшие принципы буржуазной демократии? Какова их роль в современном мире и какое будущее им предуготовано?

Подобные вопросы все чаще задают себе африканисты. В той или иной мере касаться их вынуждены все авторы работ как по истории, так и по современному положению стран Африки. Однако предметом специального исследования проблема становится не часто. Можно назвать, пожалуй, только дискуссию на страницах журнала «Советская этнография», в которой проблема была скорее поставлена, а также работу Ю. Н. Зотовой¹.

¹ Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии. М., 1979.

И вот перед нами книга А. С. Балезина, специально посвященная анализу этой сложной проблемы. Не случайно предметом исследования стала именно Уганда — республика, долго сохранявшая в своем составе целый ряд «королевств» (Буганда, Буньоро, Анколе, Торо); страна, где традиционные институты власти более органично, чем в других бывших колониях, вошли во вновь организованный государственный аппарат, сохраняя свое значение и во время, и после колониального периода.

Эти вопросы очень важны еще и потому, что в сложной полнэтнической обстановке африканских стран именно представители таких сил претендуют на роль истинных, а иногда и единственных выразителей интересов своих этносов, часто противопоставляя их всем остальным.

Книга охватывает столетний период истории народов, населяющих современную Уганду (1862—1962 гг.). Автор прослеживает постепенную эволюцию местных систем власти. Перед читателем раскрывается тщательно документированная история преобразований прежних систем власти, но, что не менее важно, он не только читает документы, слышит голос автора, но и видит живых людей — правителей и сановников «королевств»: Мутезу, Мвангу, Кабарегу, Кагва и др.; их портреты, письма, воспоминания оживают в книге, что так редко встречается в научной литературе.

Автор использовал, тщательно изучив, практически все известные материалы: официальные издания колониальной администрации, политических партий; мемуары и труды европейцев, впервые столкнувшихся с «черной Японией» или много лет проработавших в ней; публикации архивных материалов; мемуары и труды африканцев — участников событий; переписку. Более того, работа в Государственном архиве ГДР позволила А. С. Балезину ввести в научный оборот и ранее неизвестные материалы на немецком, английском языках и на суахили, в том числе подлинники писем правителя Буганды и его сановников и т. п. Некоторые документы представлены в переводах автора (в Приложении). А. С. Балезин критически изучил и литературу вопроса. Достаточно сказать, что библиография содержит 491 название.

Работа развивает принятую большинством советских востоковедов, в том числе африканистами, концепцию колониального общества как особого этапа в формационном развитии стран Азии и Африки, в котором тесно переплелись разнородные структурные элементы в форме синтеза, их компромиссной структурно-функциональной сочлененности, спелленности и взаимодействия» (с. 9) ².

Одна из трудных проблем в изучении таких сложных обществ — терминология. Автор осознает эту трудность и во введении специально оговаривает употребляемый им понятийный аппарат. Как известно, термины «традиционные власти», «туземные власти», «вожди» и т. п. нередко употребляются очень вольно. Автор предлагает, на наш взгляд, четкую и обоснованную их классификацию: «традиционные власти» — социальное понятие, объединяющее различные виды носителей власти (как потестарной, так и политической) до начала европейской колонизации; «туземные власти» — африканцы, входившие в колониальную администрацию; «вожди» — термин, принятый колонизаторами для самых разных видов носителей местной власти. Автор справедливо выступает против термина «традиционные вожди», предпочитая понятие «колониальные вожди». К сожалению, А. С. Балезин иногда нарушает эту стройную классификацию (так, нелогично употребление термина «вождь» на с. 82, 83, 245).

Несомненным достоинством книги является попытка (на наш взгляд, вполне удавшаяся) рассмотреть «эволюцию традиционных властей как социальных групп» «в разных сферах жизни колониального общества — политической, социально-экономической, идеологической» (с. 8, разрядка моя. — Э. Л.).

Работа содержит три части, в которых рассматривается эволюция систем власти в период создания протектората Уганды (1862—1900 гг.); во времена безраздельного колониального господства (1900—1945 гг.); в период борьбы за независимость страны (1945—1960 гг.). Автор довольно бегло говорит как о характере и идеологическом обосновании власти верховных правителей, так и об уровне социально-экономического развития народов Межозерья, создавших раннегосударственные образования. Однако, сделав обзор существующих концепций, А. С. Балезин приходит к представляющемуся разумным выводу об отказе от категоричности определения формационной принадлежности и необходимости разработки отношений господства — подчинения (властных отношений), ведущей сейчас советскими африканистами, в частности Г. С. Киселевым.

Хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. А. С. Балезин продолжает начатые А. Б. Давидсоном и продолженные И. П. Филатовой попытки оценить последствия прокикования первых европейцев в Африку «с другой стороны», понять, как появление европейцев было воспринято африканцами, как они его оценивали, чего ожидали; как складывалась политика правителей, исходивших из внутривнутриполитических и экономических интересов своих стран. Это, пожалуй, наиболее интересные страницы книги (с. 34—52 и др.). В европейской литературе (в том числе и советской) до недавнего времени на эту сторону отношений обращали недостаточно внимания, и читатели невольно воспринимали африканцев скорее как объект, нежели как субъект новых отношений. Правители и сановники государств Межозерья на страницах книги предстают интересными политиками, дипломатами, стремящимися воспользоваться противоречиями в среде новых контрагентов, как религиозными (между католиками, протестантами, мусульманами), так и политическими (между Германией, Англией, суахильскими торговцами),

² См. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

выступая в зависимости от обстоятельств то за сотрудничество, то за сопротивление. Это предопределило и отмеченное автором начало разделения традиционной элиты на стремящихся воспользоваться новыми силами в своих интересах и активно выступающих против них; разделения, из которого в более поздние годы возникнут, с одной стороны, компрадорские слои, а с другой — активные борцы за независимость.

А. С. Балезин показывает также, что именно в данный период истории страны уходят корни многих этнических конфликтов, а также особой роли знати Буганды, которая позднее сознательно поддерживалась английской колониальной администрацией, привлекавшей представителей народа баганда на службу в колониальный аппарат по всей стране, далеко за пределами Буганды. Это приводило к антибагандским выступлениям (рассказ о восстании в Буньоро в 1907 г. и далее, на с. 160—161), а впоследствии затрудняло складывание единого антиколониального движения.

В 1900—1945 гг. в рамках нового социального организма — колониального общества формировались и оформлялись те экономические, политические, идеологические реалии, с которыми бывшие колонии подошли к независимости. Автор убедительно выявил на материале Уганды как общие для всех африканских стран процессы (например, формирование и возрастающую роль новой элиты), так и редко встречающиеся или даже уникальные явления (например, искусственное возникновение феодального частного землевладения или некоторое укрепление политической силы старой знати, преобразованной в «туземные власти»).

На основании сравнительного анализа власти в других колониальных владениях Англии и Франции, показано, что, во-первых, так называемое «прямое» или «косвенное» управление определялось конкретными условиями каждой административной единицы (в рамках одной колонии могли быть разные варианты); во-вторых, включение уже существующих систем власти в аппарат насилия и эксплуатации производилось в интересах метрополии, а отнюдь не местных властей, и в модернизированном, удобном для административного аппарата колонии виде. Об этом, пожалуй, лучше всего сказал цитируемый А. С. Балезиным *кабака* (верховный правитель) Буганды Дауди Чва: «Я больше не прямой правитель своего народа, мои собственные подданные начинают смотреть на меня всего лишь как на одного из платных слуг британского правительства. И все потому, что у меня нет реальной власти над моими подданными; даже территория самого мелкого вождя находится под прямым контролем комиссара провинции. Любой приказ, отданный вождем или даже самим люкико (совет знати — Э. Л.), никогда не признается до тех пор, пока он не одобрен комиссаром провинции» (с. 92). Это подтверждается анализом автора, убедительно раскрывающего подлинную суть «косвенного управления», классическим примером которого (наряду с Северной Нигерией) считалась Уганда.

Другая сторона вопроса — эволюция докапиталистических укладов как основа социальной трансформации традиционных властей — специально не исследовалась советскими учеными. Нельзя не согласиться с автором, что «Буганда является практически единственным в Тропической Африке примером широкого введения системы индивидуального частного землевладения африканцев» (с. 118). Данный уклад, основанный на таком землевладении и внеэкономических формах принуждения и эксплуатации, автор предлагает определить как «колониально-феодальный» (с. 126), рассматривает его в рамках результатов широких социально-экономических исследований советских востоковедов. А. С. Балезин убедительно показывает, что и в других «королевствах» Уганды (Торо, Анколе, Буньоро), хотя и иными путями, шли те же процессы (с. 133—135).

Еще один малоизученный аспект истории Уганды, да и Африки в целом, подробно рассмотрен автором, — трансформация форм и методов эксплуатации африканцев африканцами на землях, принадлежавших как местному населению, так и британской короне.

Сложность и неоднородность состава африканской администрации (с одной стороны, сохранение связи верховных правителей со старыми династиями и сохранение как видимости политической власти, так и статуса в глазах народа «священных царей», олицетворявших благополучие страны; с другой — появление новой элиты, многообразные «вождей» низших ступеней) привели к определенным особенностям развития общественной мысли и антиколониального движения. Автор подробно рассматривает разнообразные формы антиколониальной борьбы, требования, выдвигаемые религиозными или политическими движениями, справедливо отмечая, особенно в первые годы, большую роль традиционных властей и представителей туземной элиты в руководстве и организации. Даже в наиболее значительной организации «Сыновья Кинту» идейным символом оставался кабака и подчеркивалась верность Кинту — полумифическому предку баганда.

Особенности социально-экономического развития Уганды, а также культурно-исторического синтеза, блестяще проанализированные автором (с. 175—186), привели к тому, что в стране не было критики феодально-традиционных пережитков и отрицания традиционных африканских ценностей, как в других колониях Африки.

Далее рассматривается место и роль старой знати и новой элиты в период активной борьбы (с 1945 г. до провозглашения независимости). Автор показал, что ранее недооценивалась большая поддержка аристократической верхушки со стороны народных масс. Это накладывало отпечаток на идеологию освободительного движения; приверженность его участников идеям «традиционализма и сепаратизма» затрудняла создание общенациональных движений. На основании обширного фактического материала А. С. Балезин доказал, что антитрадиционалистским партиям (Союзу народов Уганды — Народному конгрессу Уганды и Демократической партии) пришлось вынести тяжелую борьбу. И в новых партиях, пытавшихся выйти за рамки одного этноса (на-

пример, основанной в 1952 г. партии Угандийский национальный конгресс), лидерами стали представители африканской элиты, члены семей высшей знати или тесно связанные с ними люди. Рост этнического самосознания в ходе антиколониальной борьбы в условиях Уганды привел к стремлению противопоставить один народ страны другим; в политической сфере это выразилось в борьбе за сохранение прерогатив правителей и вождей, а затем и в возникновении сепаратистских движений (прежде всего в Буганде, а затем и Буньоро, Торо и Анколе). Все это, отмечает автор, усилило этническую рознь накануне получения независимости. Подобные тенденции усилились и усугубились сначала преобладанием баганда, а затем представителей северных народов в армии и полиции.

Особенности социально-экономического и этнического развития Уганды, указывает А. С. Балезин, предопределили сложности независимого развития страны. Лидирующее положение заняли представители «колониального синтеза», главой государства стал верховный правитель Буганды; конституционно был закреплен статус «королевств». Темпы интеграционных процессов, необходимо требующих ломки традиционных структур, оказались, таким образом, замедленными, даже упразднение «королевств» конституцией 1967 г. не ликвидировало идей традиционности в массовом сознании. Автор справедливо подчеркивает, что это накладывает отпечаток на весь сложный комплекс проблем развития современной Уганды.

Э. С. Львова